

Владимир САЧКОВ (г.Краснодар) **200 лет Победы**

моему отцу

□

9 мая 2145-го года. Москва, Красная площадь. 8-30 утра.

На «нулевом километре», под шаткой и ненадёжной тенью нескольких пальм, устало присел в шезлонге ветеран последней большой войны. Его окружала шумная праздничная толпа, и в этой толпе распорядился ведущий Первого федерального канала.

— Вы готовы, Александр Григорьевич?

— А? — ветеран приложил к уху морщинистую ладонь.

— Вы готовы?! — прокричал ведущий.

— Готов, готов. А где?

— Что — где?

— Ну, сто грамм.

— А-а-а! — рассмеялся ведущий, — это после прохода, после возложения.

— Тьфу! Каждый год одно и то же.

Мальчик и девочка в белых рубашках с алыми косынками, изображающие пионеров, закатились от смеха. Молодой человек цыкнул на них и с глубочайшим уважением уточнил:

— Но вам же двести двадцать три года, Александр Григорьевич.

— Ну и что?

— Как что? В таком возрасте спиртное... тяжело переносится. Да и кто сейчас жидкость пьёт, чтобы расслабиться?

— Мне не расслабиться надо, сына, а укрепиться.

— Ну, тогда, вот, — у меня есть немного «Столичной Эйфории». Хотите? — он предложил пластиковый пакетик.

— Нет уж, унучек! Сам глотай эти таблетки. А мне пусть нальют фронтowych сто грамм. Если водки нет — можно и спирт.

«Пионеры» снова подавились смехом и старику показалось, что каким-то таким —не настоящим.

— Что, внучки? — он участливо погладил мальчика по щеке, — хвории наглotalись? И уж с утра? Ай-яй-яй!

— А чо? Нам можно. Нам уже десять лет! — выступила курносая девочка с ультрамариновой прядью волос, выбившейся из-под алой косынки.

— Александр Григорьевич, дорогой! Но вам же трудно будет. У вас же возраст. И жара всё-таки. Смотрите — пятьдесят пять градусов в тени! А что будет через час? Мы даже венки сделали голографический, чтоб вам не тяжело нести. Вам надо будет только немного согнуть руку в локте, ну, как будто несёте, а всё остальное за вас сделает техника.

И он обратился к кому-то невидимому:

— Джонни, включи!

В воздухе вспыхнул золотой круг и через мгновение трансформировался в пышный зелёный венок с лентой. На красной ленте бронзой было написано:

«Вечная память героям Великой Отечественной Войны 1941 – 1945».

— Вот, просуньте сюда руку.

— Не буду нести голый венок! — категорически отказывался ветеран. — Дайте мне венок настоящий. Ты что, сынок! Ведь за тебя по-настоящему умирали. Такие же молодые, как ты. Чтобы ты жил, сынок, чтобы жил! Чтобы радовался, чтобы голода не знал. Не дадите мне венок, так сам пойду куплю.

— Подождите, Александр Григорьевич, — сморщился ведущий. — Будет вам настоящий венок, будет.

Молодой человек не знал, что такое война и был глубоко убеждён, что своей жизнью обязан только родителям. Естественно, старик давно выжил из ума и теперь только по-старчески хандрит. Но это — единственный оставшийся в живых ветеран Второй Мировой Войны, уникал, чудом живущий более двухсот лет. Даже сегодня никто не живёт более ста пятидесяти. Даже Енох столько не жил. Это — вечный ветеран. Знаменитость всей страны. И с ним приходится считаться. Ветеран... о, господи! Он забыл, какой войны. Как она называлась? Э... э... Ведь он готовился к передаче. Ведь в колледже проходили, чёрт! Отечественной, кажется? Нет, ещё чего-то не хватает. Название как будто длиннее было. А в эфире невозможно ошибиться. Трансляция на весь мир! Какой же войны? Какой? На Шипке сидели... Нет, не то. И с кем воевали? С китайцами, что-ли? А, да вот же, на венке написано — Великой Отечественной. Ну да, с фашистами воевали. Фу-ух. Пронесло. А чего, собственно, волноваться? В своё время титры покажут.

— Джонни, убери голограмму и скажи, чтобы сюда доставили настоящий венок. Быстрее, Джонни, уже без пятнадцати девять! — он положил руку на слабое плечо старого солдата. — Не беспокойтесь, Александр Григорьевич, венок сейчас принесут. А пока мы с вами освежим в памяти план, так сказать, мероприятия.

Ведущий щёлкнул пальцем, и справа от него, в воздухе, появился трёхмерный экран с картинкой Красной площади.

— Ишь ты! — ветеран не переставал удивляться новшествам. — А где твоя кепка со штырьком?

— Вы, наверное, имеете в виду авторизованный шлем? Эта технология устарела. У меня, видите, очки. Фирма «ИТТ» — Интернэйшэнл Телефон энд Телеграф. Так эта система и называется — Очки. В них и передающая, и принимающая оптика, в них же и монитор. Левым глазом я вижу всё меня окружающее и режиссерский текст, правым глазом — реальный кадр. В левой дужке очков у меня приёмник с микродинамиком, в правой — передающий сенсор.

«А в зад у тебя что?» — хотелось спросить ветерану.

— Так вот, уважаемый Александр Григорьевич, давайте вместе вспомним. Значит, вы открываете Парад Победы. Вы, так сказать, шествуете под марш духового оркестра. Мимо торжественной трибуны с гостями и президентом проходите с венком к Вечному Огню. Там, у Почётного караула, возлагаете это самое... венок! И уже за вами проходят полки, а после них движется и летит военная техника. Так?

— Ну, так, — согласился ветеран.

— Вот! Вас будут сопровождать юные пионеры...

— Какие мы юные? — возмущённо перебили пионеры в один голос.

— Ну, хорошо, не юные... уже зрелые пионеры, — натужно согласился ведущий, — они у Вечного огня отдадут салют, и после этого вы уходите в сторону. Потом к вам подхожу я и начинаю задавать вопросы. Вопросы помните?

— Та ну их! Сто лет одни и те же вопросы.

— Так вы помните или нет? — беспокоился ведущий.

— А вы помните?

— Я помню.

— Ну и я тоже помню... если нальёте.

— Алекса-а-а-андр Григорьевич! — растянул своё сомнение ведущий, — ну давайте после, а?

— Тьфу!

— Потом вы расскажете несколько случаев, которые вам запомнились больше всего. Вы их помните?

— Слухай, сынок, ты скажи своему Джону, чи как ево, чтоб столичной принёс. Да не той, хвори таблечной, а нормальной русской водки. Ты ж пойми, мы и трезвыми в бой ходили, когда обоз запаздывал. А когда было, нам и перед атакой давали, и после давали — сто грамм солдату положено. Да когда ещё мороз сорок градусов — куда ж денется! Нужен антифриз.

— Мороз... как это славно. А вы, значит, и снег видели? Завидую. Ну, хорошо. Джонни, ты слышал? Уже без пяти. Джонни! А! Вот оно! Всё, спасибо.

Посыльный принёс настоящий венок и настоящую бутылку водки, накрытую пластиковым стаканчиком.

— Быстрее, Александр Григорьевич, быстрее! — умолял молодой человек, — опоздаем же!

— Да ты не лотоши,* сынок. Все там будем. Ну, за Победу! — старик бодро опрокинул стаканчик, крякнул и, занюхав рукавом, позвал «пионеров»:

— Пошли, что-ли, унучики. Созрели, значить? Эх вы, хе-хе!

— А закуску, Джонни? — поздно спохватился ведущий.

* * *

9 мая 2145 года. Краснодарский край, хутор Песчаный. 9-00, утро. Полина, старшая правнучка ветерана Александра Григорьевича Сачкова, едва не проспала передачу.

— Нюсь. Нюська! — позвала она сестру. — Быстрее включай тиливизер. Да быстрее жи ш!

— О, Господи! Да что случилось? — Анна спросонья не могла попасть в тапочки.

— Как — что? Забыла? Сегодня Девятое мая. День жи ш Победы. Уже парад начинается, а ты спишь!

— Та сколько уже можно смотреть на того деда? Надоело вже! Одно да тоже. Мы ж с тобой усё наизусть знаем.

Но всё же она встала и включила старый телевизор с плазменной панелью.

— А кто не знает? Все знают. Но всё одно, приятно же. Наша хвамилие.

Обе сестры рано овдовели, дети оставили их и переехали в город. Уже два десятка лет пожилые правнучки жили втроём со своим прадедом в старой саманной мазанке. В этой хате выросло не одно поколение кубанских казаков. Триста лет её мазали глиной вперемежку с навозом и она стояла, только в последние пятьдесят лет, в момент резкого потепления, хата надавала трещин. И то потому, что наступили пески и закрыли собой глину. Нечем было мазать. Глины не стало. А навоз был. Это уж есть. Это в России будет всегда.

— Гля, гля, Нюсь! Началось уже. Вон, дед Сашка идёт. Самый первый.

— Шатается, что ли? — присматривалась Анна.

— Та вроде нет.

— Шатается, вижу. У, небось, с утра наклюкался. Водка, проклятая! И куда она ему лезет? Хай бы вона провалилась!

«Военный Парад, посвящённый двухсотлетней годовщине Победы над фашистской Германией, открывает ветеран... э... э... Великой Отечественной Войны Александр Григорьевич Сачков!» — торжественно, под звуки духового оркестра, играющего марш «Прощание славянки», объявил ведущий.

Ветеран в выцветшей гимнастёрке, увешанной десятками орденов и медалей, с бравым видом маршировал по плацу. Серые его усы и чёрные ленты матросской бескозырки развеивал горячий поток воздуха, восходящий от раскалённой брусчатки.

«... на заднем плане, уважаемые зрители, мы видим историческое сооружение в ремонтных декорациях. Это, как вы знаете, собор Василия Блаженного. Великолепный натюрморт из тыкв и баклажанов, как метко охарактеризовал его однажды великий Боттичелли... итак, слева мы видим застывшие шеренги парадных корпусов...»

— Господи, да когда он помрёт? Прости меня, Господи! Всю страну задолбал дед наш Сашка.

— Грех тебе, Полина. Что тебе, завидно? Да хай живёт, — перекрестила сестру Анна.

— Та сколько ж можно жить? Что ж он не попил, не поел, не погулял? И что это за жизнь за такая, когда пережил и детей и унуков. Стыдно. Усех пережил. Как вечный

жид!

— Он и нас с тобой переживёт.

— Дык вот жи ш!

«... с почётной трибуны ветерана приветствуют президент России и первые лица ста двадцати четырех государств мира. На почётной трибуне ветерана приветствует марсианская делегация: господин Гхо и госпожа Клёдс. Да, вот только сейчас получена точная цифра. Не сто двадцать четыре представителя находятся сейчас на трибуне, а сто двадцать три. Представитель от Латвии, к сожалению, не может присутствовать сегодня с нами, но зато на праздник выслана огромная партия латышских шоколадных конфет под названием «Саласпилс».*

Говорят, это какие-то необыкновенно вкусные воздушные конфеты. Ну, что ж, у нас сегодня будет отличная возможность в этом убедиться...»

— Гля, гля! С Марса тоже прилетели на день Победы, — удивлялась Полина. — Какие-то они малюхонькие да сухонькие. И цветом, гля, — коришневые, что ль?

— Ну вот. Если б не дед Сашка, увидела б ты марсианов, чи как их?

«... вот Александр Григорьевич подходит к Вечному Огню... ветеран кладёт венок у Кремлёвской стены... о чём сейчас думает старый солдат?.. пионеры, эти почти ушедшие символы героической юности, отдают салют павшим героям... Вечная слава героям!.. Почтим память павших на полях сражений минутой молчания...»

— Царствие небесное.

— Царствие небесное.

«... сейчас Александр Григорьевич подойдёт к нам и мы, по традиции, попросим его поделиться воспоминаниями из его славного военного прошлого, из героического прошлого нашей великой страны...

— Итак, перед нами Александр Григорьевич Сачков, единственный оставшийся в живых ветеран... э... Великой Отечественной Войны. Хотелось бы, Александр Григорьевич, сначала задать вам несколько вопросов.

— А? Задавайте».

— Ну, счас разглагольствовать начнёть, — встала с кровати Полина.

«Скажите, вот я вижу, у вас на погонах нет ни одной лычки. Вы всю войну, все четыре года, прошли рядовым?

— Да, сынок. Знаешь, как тогда говорили? Чистые погоны — чистая совесть.

— Замечательно. А вот у вас гимнастёрка обычная, какую носили пехотинцы, между тем, под ней тельняшка, петлицы артиллерийские, а головной убор — бескозырка. Как, простите, это понимать?

— А? Что ж тут понимать, сынок? Войну я начинал в пехоте, добровольцем, в 1942 году. Мне было тогда семнадцать лет, а в полку я сказал, что восемнадцать. Потом в разведку попал, из-за того что здоровым был. Потом наш полк расформировали, и я в артиллерию был назначен. Таскал на себе «сорокапятку». Знаешь, что это такое? Орудие калибром сорок пять миллиметров. Да вы уж всё забыли... в сорок четвертом, после ранения, я в морскую пехоту попал. Вот нас, морпехов, фрицы дюжа боялися. Называли «чёрными дьяволами». У нас бушлаты чёрные. Мы в полный рост в атаку шли. Штык пристегнёшь,

ленточку в зубы — и в рукопашную. Я в Польше был, в Чехословакии, Будапешт брал. В сорок пятом под Кёнигсбергом автоматчик меня прошил очередью. В живот и в колено. Опять я в госпиталь попал. Но так — не надолго. Сбежал скоро — охота была Берлин не пропустить.

— И вы не пропустили?

— Не-е-е. Узял и Берлин. А оттуда — на Западную Украину. В СМЕРШ меня зачислили. Там я Бэндеру по лесам гонял. Но так хада и не поймал.

— Простите, а что такое СМЕРШ?

— А? СМЕРШ — это сокращённо: смерть шпионам. Та вы и Бэндеру уж не помните.

— Александр Григорьевич, вот вы Берлин брали. Скажите, а вы расписались на стене Рейхстага, как делали это многие наши солдаты?

— Кгм... расписаться не расписался, но слово написал.

— Какое?

— Какое и надо. Поганое. Как раз для того места подходит.

— У нас есть ещё несколько минут эфира, пока тяжёлая техника поступит на исходные позиции. Могли бы вы нам рассказать наиболее запомнившийся эпизод тех времён?

— Страшный?

— Ну, сначала не самый страшный.

— А... ну это было в сорок третьем, на Втором Украинском Фронте. Патроны, помню, вышли все и я тогда сапёрной лопаткой восемнадцать человек зарубил. Вот — орден Солдатской славы видите? Как раз за это.

— А самое страшное? Что вам запомнилось?

— О! И вспоминать не хочется.

— И всё же, Александр Григорьевич?

— Это уже в Германии было. Пчёлы меня укусили. Сильно. С дружкой я своим Серёжкой Нечитайло ночью на пасеку залез за мёдом... побаловаться. Так нам пчёлы таких чертей надавали! Наутро этот ганс, чьи улики были, пришёл в часть жаловаться, хад. Нас всех построили и по рожам опухшим, конечно, командир определил. Губы семь суток я получил, Нечитайло тоже. С тех пор я сладкое не ем.

— Как любопытно... А эта медаль за что?

— А? Эта — за Берлин. Эта — за Будапешт. Эта — 25 лет Победы. Эта — 45 лет Победы. Эта — 50 лет Победы. Эта — 60 лет Победы...»

— Ну, пошёл считать свои побрякушки. Это уж минут на пятнадцать, не меньше, — Полина недовольно подошла к маленькому окошку. — А песку-то, песку сколько намело. Пойду-ка я курям подкину. И свиням надоть тож ананасов подрубить. Вон, и Бобик

вищить, на двор просится.

— Ты ему в мешку бананов добавляй. Хай жрёт. А то куды ж их девать?

* * *

8 мая 2145 года. Краснодарский край, хутор Песчаный. 7-00, утро.

Слегка задремужали стёкла в оконцах, послышался ровный гул и Полина в тревоге проснулась.

— Нюсь. Нюся!

— Чиво? — Анна тяжело оторвала голову от подушки.

— Чуешь, Нюся?

— Каво там чарты принесли?

— Наверное, тарелка прилетела.

Полина вышла в сени и оттуда выглянула на зады. Точно, тарелка. И опять на помидоры села!

— Дед Сашка! Дед Сашка! — Анна кричала ему в самое ухо. — Вставай! Тарелка прилетела. Опять правительственная.

Лысый человек отказался зайти в хату, сказал, что там душно, и Александр Григорьевич забрался в тарелку. Там, конечно было прохладно, но как-то очень уж пустынно, пустынное даже, чем унылый вид наметённых кругом песчаных барханов. Раньше на деревню наступал камыш, а теперь — песок.

— Александр Григорьевич, я привёз вам ежегодное поздравление президента, юбилейную медаль и, как всегда, приглашение в Москву, на празднование Дня Победы. Вот конверт.

Ветеран медленно достал из кармана большую складную лупу и, развернув её, прочитал на конверте своё имя. Затем он вытащил письмо и с волнением прочитал его. Того, что он так ожидал увидеть, и в этот раз не оказалось. Обычное поздравление. И подпись на месте.

— Я буду завтра, — пообещал он, — но на тарелке не полечу. Дюжа быстро получается. Только сел, и тут же вылазь. А я на страну хочу посмотреть. Я на поезде приеду.

— Ну, как хотите, — не возражал посланец.

Он всё мялся и не поднимал глаз, чувствовалось, что за блестящим галстуком у него есть что-то ещё. Чиновник убрал холёные руки с белого стола и несмело предложил:

— Александр Григорьевич, у государства к вам просьба... Вы не могли бы... умереть?

Старик не удивился такому вопросу. Он знал, что давно всем надоел... надоел и самому себе! Но у него было одно незаконченное дело.

— Вот, — Александр Григорьевич показал помятую книжку, — это Конституция России. Читал её, сынок? Ты не обижайся, что я тебя так называю. Для меня и президент — сынок. Читал, что в конце написано? Бессрочная статья. Президент Медведев добавил ещё в две тысячи десятом году. «Парады в ознаменование Дня Победы будут производиться до тех пор, пока жив последний солдат Великой Отечественной Войны». Слыхал?

— Так я же поэтому к вам и обращаюсь, — взмолился чиновник. — Вы знаете, в какую сумму обходятся стране ежегодные военные парады? Ну подумайте, стоит ли из-за одного человека проводить такие дорогостоящие мероприятия? Ведь вы один остались!

— А ты знаешь, сынок, что такое хотеть жить, а? Первый раз я захотел жить весной, в двадцать лет. Это было перед штурмом Кёнигсберга. А сколько их было, тех штурмов, знаешь? Знаешь, как немцы защищали этот город? Это был их Сталинград. Думай! Там наших сотни тысяч полегло, да что ты! Как раз в мой день рождения, в апреле, всю роту собрал в подвале политрук и говорит: записывайтесь, мол, в комсомол и записывайтесь в партию, чтобы умереть комсомольцем и умереть коммунистом. Ну, и вся рота полезла в это самое кто во что — по возрасту. А когда до меня очередь дошла, я сказал, что вообще не хочу умирать, а комсомольцем и подавно. Пойду завтра в бой, а там видно будет, убьют или нет. Хвортуна!.. Один лишь автоматчик, хад, скосил всю нашу роту из окна! И политрука тоже. Один! Вот тогда я и заработал две пули: одну в ногу, другую в живот. Усёк, сына?.. Ну, что?.. А второй раз я захотел жить в восемьдесят лет, когда мне впервые отказали в инвалидном транспорте. Машинки тогда выдавали, маленькие такие — «Ока» — для инвалидов войны. А я же ш инвалид второй группы, бессрочный. Мне положено. Но мне сказали — всё равно надо медкомиссию проходить. Ну, прошёл я, кучу анализов сдал — и то и сё, а машину не дали.

— Почему не дали? — в голосе чиновника зазвучали властные нотки.

— А? А, говорят, ты можешь ходить. Раз сам можешь ходить, значит машина тебе не нужна. Теперь скажу, почему жить захотел... Нашёл незадолго до этого меня один немец, которого брал языком я аж в сорок третьем. Как его?.. Вильям Штрайберг! Через совет ветеранов списался я с ним — всё ж интересно на старости лет. И он вызвал меня в Берлин, погостить. Дорогу мне оплатил Вилли. Ну, что? Приехал я к нему. У него семья там, дети, унуки. Богато живут. Он мне дом показал, что ему государство выделило — Германия. Хороший дом, большой. Льготы у него разные, машину тоже дали. «Мерседес». Зда-а-аровый такой. Это потому, что он в плену был. Он, оказывается, пострадавший от фашизма. А я ему сказал, что мне государство моё отказало в инвалидной машине. Да он не поверил. Не может, говорит, такого быть! Твоя страна выиграла большую войну. Ты же победитель! Ты же герой! Ты должен в золоте ходить. Нет, говорю, не дали мне инвалидную машину. Вот путёвки в санатории дают. Это да. Пенсии, конечно, на жисть хватает, если коньяк не пить. Но машину — шиш. А потом я его спрашиваю: «Вилли, зачем ты меня вызвал? Что я тебе такого сделал хорошего на войне? Ведь я тебя даже по голове ударил». А он говорит: «Александр, ты меня от смерти спас. Если б ты меня в плен не взял, говорит, меня б на фронте убили». Вот тебе немецкое соображение, сынок. Наш бы до такого не додумался. Потом, когда я уезжал, он просил меня взять его машину. Хотел подарить свой «Мерседес». Не, я отказался. Та зачем мне от немца брать машину? Стыдно. Он и деньги предлагал, да я тоже отказался.

— Вот и я хочу разобраться, Александр Григорьевич, что с вами происходит? — быстро заговорил чиновник. — Должно же вами что-то двигать? Откуда такая поразительная стойкость, откуда? Ну, все ветераны давно умерли. А вы почему... до сих пор живёте?

— Ты не понял, сына? Каждый год, вот уж сто пятьдесят лет... Сто пятьдесят лет! Я жду, что государство признает меня, что мне, инвалиду войны, выдадут маленькую машину. А государство что делает? А государство сто пятьдесят лет ждёт, пока я здохну. Дак нет жи ш! Не дождётся!

— Так вы из-за машины... не умираете? Вы машину ждёте? Но зачем она вам? Вы ведь сами уже водить не можете.

— Как зачем?! — вскричал старик.

Он затрясся от гнева и хватил худеньким пергаментным кулачком по столу.

— А справедливость?! Справедливость! Я не за машину воевал. За справедливость!.. И учтите, Ваську Доценко я вам никогда не прощу. Фашистам простил, а вам не прощу.

— Да кому это «вам», Александр Григорьевич? Чего вы не можете простить? И кто такой, этот... Доценко?

— Вам, — с нажимом повторил ветеран, — Василия Доценко не прощу! Не про-щу!

— Я не знаю, о чём вы, — пожимал плечами чиновник.

— Дык, конечно. Откуда вам знать? Вам же в Кремль он не написал. Он-то еле смыкал в этом деле. Эх, Василь... Весёлый был дед! Да тоже ш с нашего хутора, с Песчаного, казак кубанский. Слушай. В другой раз пошли мы вместе с ним медкомиссию проходить. Васька левую ногу волочил — осколками от мины её посекло, худая такая, не сгибалась. То жи ш, как и я, второй группы инвалид войны. Он первый зашёл. Потом выходит — смеётся. Забраковали, говорит. Машина, говорят, тебе не нужна, а что нога не сгибается — ну и что? Ходить-то можешь. Вот если б она короче была на семь сантиметров, тогда — точно, тебе машина. И смеётся Василь, что ж мне её, укоротить на семь сантиметров? Отпилить что ли?.. Ну, я за ним вошёл. Захожу и вижу: человек шесть сидят с тетрадками, записывают, а самый главный — мордатый такой, в очках. Он грубый, не говорит — гавкает. И всё ширяет меня везде пальцем, ширяет. В конце сказал — вы в транспорте не нуждаетесь. А причина та же, что и в прошлом году — ходить могу. Тогда мне Васька сказал, что точно знает — надо на лапу дать. Тогда машина будет. Я сказал — ты как хочешь, Василь, а я давать не буду. Погано это. Ну и Васька со мной согласился. Две недели, чи сколько, прошло, прибегает в хату его унук. Дед, говорит, зовёт. Он в сарае. Я пришёл до него, смотрю — Васька на тамбурете сидеть, больная нога на маленькой скамеечке, шалью закрыта. На верстаке четверть самогона ополовиненная, а сам Василь испуганный какой-то и лицо у него белое и потом всё истекает. Ты что, говорю, Василь? А он мне жалобно так — помоги, Саша. Откинул он шаль, и я увидел: нога-то его в тисках зажата и в крови вся, а из-за спины он ножовку мне подаёт. Помоги, Саша. Начать-то начал, а докончить не могу, сил уж нет. Ты что же, Васька, делаешь, а? Что ты наделал, Василь! Она и так вся высохла, говорить. Своё уж отходила. Да и мне самому сколько осталось болтаться на этом свете? А так, хоть унучата на машине покатаются, хоть какая-то польза от деда будеть. Я говорю, ради чего ты себя уродуешь? Ради железяки? Хай она провалится, эта инвалидка! А Васька своё — да что такое эта нога? Огрызок! Не тяни, Сашка, вон хлебни первака, и докончь

скорей эту канитель болючую, половину я уж отпилил. Ну, что? Тянуть нельзя. Хлебнул он, хлебнул и я. Он початок, что от четверти затычкой был, в зубы зажал, ну а я своё дело быстро заделал. Остатком самогона культу ему всполоснул, тряпкой обернул и в больницу свёз. Да это что? На войне и не такое я видел. Но, пойми, когда я Ваське ногу пилил, войны не было. А кто человека до такого состояния довёл? Кто?!

Видно было, что сказанное сильно потрясло чиновника из Москвы. Долго не смел он поднять глаз. Потом опасливо поинтересовался:

— Ну и что, получил он машину?

— Нет, сынок. Он получил гангрену. И через месяц схоронили мы Ваську. Думай теперь...

Ветеран и сам задумался. Надоело ему сидеть в этой тарелке, где всё гладкое и белое. Он выбрался наружу, в раскалённый воздух песочных холмов. Здесь хоть и было жарче, но дышалось намного легче. Вышел за ним и чиновник.

— Слушай, сынок! Каждый год по весне ко мне присылают человека из Москвы. Вот каждый жи ш раз нового. И ничего не изменяется. Ничего! Я никому про Ваську не рассказывал — ты первый. И зачем сказал?.. Юбилей завтра — двести лет Победы. Может, поэтому... Вот ты сейчас улетишь, а я останусь. Так скажу тебе на прощанье, сынок: не верю я ни в бога, ни в кочергу! Но если ты хочешь моей смерти, пригони вот сюда, на это место, автомобиль для инвалидов. «Оку» пригони сюда! И даю слово — я сяду в него и тут же сдохну! А пока ты этого не сделаешь, я буду жить. Вот буду жить назло! За себя, за тех, кто не пришёл с войны, за тех, кто ждал справедливости и не дождался. А их было много, и они много не дожили...

— Но послушайте, Александр Григорьевич, автомобиль «Ока» три года как снят с производства! Сейчас на этом заводе размещается производство гравилётов.

— Не нужны мне ваши горболёты! Мне государство обещало автомобиль «Ока». Я

больше ничего не знаю.

— Но если это невозможно?!

— Ну... тогда, значить, судьба.

* * *

Поднялась небольшая песчаная буря и летательный аппарат мгновенно скрылся из виду. Из сеней вышла Полина и, одобрительно окинув широким взглядом двор, заметила:

— Одна только и польза от этих тарелок — песок хорошо разметають.

Александр Григорьевич Сачков, последний ветеран последней большой войны, стоял на задах родного двора, устало всматриваясь вдаль. Виделись ему только жёлтые песчаные барханы вокруг его одинокой хаты, уныло плывущие в знойном мареве волнистого миража, а чудились ему зелёные холмы жерделовых посадок с сырыми балками и буйными зарослями камышей по-над яром. Где-то за хатой, в старых акациях, длинно лепетал щегол. Маленький загорелый мальчишка курил украдкой первую свою самокрутку в огороде. Пахло тёплой землёй. Лёгкий ветерок колыхал жухлые листья кукурузы и они, шелестя, как будто нашёптывали ему новую колыбельную. В голове приятно кружилось от пахучего табака, и по розовой детской щеке катилась длинная детская слеза. Светлым ручейком стекала она с нежного подбородка и тут же пропадала, теряясь в глубоких складках старческой морщинистой шеи. Мальчишка осторожно выдыхал сизый дымок через нос, и в который раз упрямо повторял:

— Учтите, Ваську Доценко я вам никогда не прощу!

***Саласпилс** — концлагерь в Латвии во время Второй Мировой войны. В основном, это был детский концлагерь, через который, в общей сложности, прошло 35 000 детей разных национальностей. Нацисты выкачивали из них кровь для переливания солдатам. Обычно после очередной выкачки ребёнок получал конфету. Известна послевоенная песня семидесятых годов двадцатого века под таким же названием, начинающаяся словами: «Положи свою конфету на гранитную плиту...»

Известно также и то, что, несмотря на факты, современное правительство Латвии называет фашистов освободителями, а не захватчиками.

***лотошить** — суетиться, спешить зря (кубанск.)

Примечания автора